

Процесс – это смена состояний в развитии чего-нибудь; это совокупность последовательных действий для достижения каких-либо результатов.

У нас уже больше десятка писательских союзов, значит, если руководствоваться логикой, и литературных процессов несколько. Причём многие писательские организации находятся в острейшем противоречии, иногда прямо-таки ненавистном противоборстве, в том числе политическом и идеологическом. И если внимательно и бесстрастно посмотреть на все эти «союзы» и «процессы», то это уже скорее не литературный процесс, а литературный хаос.

Литературный процесс был в советскую эпоху, когда некоторые писатели жаловались на «гнёт» и «тиски» социалистического реализма. «Да, это был соцреализм, но – реализм! Поэтому при всех известных издержках и недостатках советского времени в литературе появились и остались имена воистину выдающиеся и великие» (И.М. Ильинский).

Попробуем собрать (хотя бы частично) воедино «краски» всех союзов и процессов, их светлые и тёмные тона – и тогда, скорее всего, мы лучше увидим общую картину российской литературной жизни.

Большинство литераторов оценивает нынешнее положение дел в русской литературе как плачевное. Для подтверждения этого вывода приводятся достаточно весомые аргументы.

Из статьи Елены Севрюгиной «Критический обзор современной русской прозы»: «...современные авторы, всё больше увлекаясь языковым экспериментом и “упадническими”, не вселяющими оптимизм, настроениями, могут повести литературу по ложному пути, который станет не началом, а концом её развития, своеобразным духовным тупиком, из которого нет выхода».

Из статьи литературоведа И.М. Ильинского «Противоречия литературных процессов в России»: «Литература перестала учить, воспитывать, представляет ныне собой не пространство общественного самопознания, не один из важнейших методов познания, а превратилась в игровую площадку, в загончик для всякого рода околотературной шпаны... На мой взгляд, в современной литературе слишком много малозначащего, мелкого и грязного, особенно когда речь заходит о советском прошлом».

Есть и такие литераторы, которые с чувством радостного удовлетворения отмечают, что современные писатели в отличие от писателей советской эпохи могут свободно осваивать «разнообразные маршруты литературного эксперимента». И что же мы видим в итоге?

В результате этих экспериментов художественная литература во многом утратила воспитательную, познавательную, нравственно-этическую и эстетическую функции и, таким образом, фактически способствует расчеловечиванию человека.

Когда всматриваешься в сегодняшнюю литературную ситуацию, бросается в глаза, что одно и то же произведение довольно часто оценивается прямо противоположно. А это показатель «неустойчивости» художественной ценности произведения. Возьмите, к примеру, автора романа «Географ глобус пропил» Алексея Иванова, которого ряд критиков считает самым талантливым писателем русской литературы XXI века. Однако многие литераторы и читатели с этим утверждением категорически не согласны, и вот что пишет, к примеру, писатель Анна Козлова: «Картина мира Иванова – это участок дороги, который видит из своей будки цепной пёс. Это мир, в котором ничего нельзя изменить и остаётся только пошучивать над рюмкой водки в полной уверенности, что только что тебе во всех неприглядных подробностях открылся смысл жизни. В Иванове мне не нравится его стремление быть лёгким и глянцевым»...

Другой момент. Литературная критика не может избегать политических вопросов. Когда какой-то критик суёт голову в литературный «песок», всё равно его зад остаётся на политическом сквозняке. Сегодня почти не вспоминают статью В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», но любой думающий литератор прекрасно понимает, что в классовом обществе беспартийной литературы не было, нет и никогда не будет. Даже если поэт пишет только в рамках «Шёпот, робкое дыханье, трели соловья...», то этим он умышленно или неосознанно не хочет касаться «свинцовых мерзостей нашей жизни».

Лицо писателя – это его художественный язык. Автор произведения отбирает именно те лексические средства из общеупотребительной лексики, которые помогают ему в создании образов, описании их жизни, быта, пейзажа – всего того, что составляет ткань художественного произведения. Язык помогает писателю донести до читателя своё понимание мира и людей. Каждый писатель – это особая языковая личность, что находит отражение в его художественном творчестве.

Характеризуя художественный язык современных писателей, лингвисты отмечают, что в тексты хлынуло неоправданно много иностранных слов, всё чаще фиксируются нарушения семантической сочетаемости слов, стали появляться усечённые слова. У некоторых писателей наблюдается маниакальная тяга к нецензурным выражениям, неуместно используются иностранная лексика и бранные слова и т. д. Одним словом, сегодня язык художественной литературы живёт активно, бурно,

но становится не богаче и чище, а обширнее и грязнее. И это зачастую снижает ценность современного художественного Слова.

Как раковая опухоль стремительно растёт проблема под названием «смерть читателя». Школьников, сдавших ЕГЭ, недавно спрашивали: что вы теперь будете читать, когда над вами наконец не довлеет школьная программа? В основном отвечали: «Никогда и ничего!» А ведь любовь к чтению формируется в основном в школьные годы.

Закрытие «Журнального зала» Евгений Абдуллаев назвал «ударом под дых современной литературе», другие именовали случившееся «гуманитарной катастрофой». Не будем вдаваться в причины происшедшего, ясно одно: читателей бумажных литературных журналов станет ещё меньше.

Задорный литературный критик Александр Кузьменков в одном из интервью совсем пал духом: «Думаю, искушённые читатели почили в бозе. Нам с вами выпало несчастье жить во времена постмодерна... В такой эстетической парадигме искусством становится всё, что таковым объявлено, будь то хоть разбитый унитаз».

А ведь есть десятки способов приобщения людей к чтению. Об одном из них как-то упомянул в интервью Владимир Бондаренко. В США тысячи библиотек при кафе по всей территории страны, бери книгу, сиди там и читай хоть весь день. Эти библиотеки финансирует правительство. В этом же интервью известный литератор подчёркивает: «Нечитающая нация – это вообще не нация, это не думающая нация. Она обречена на вымирание». Что с нами и происходит.

А вот другой способ, который приводит Пётр Алешкин в своей статье «Литературный процесс сегодня»: «Когда в Англии перестали читать книги, и власти решили исправить положение, они поступили так. На каждом телеканале каждый день кто-то из известных людей, из кумиров молодёжи, стал рассказывать, какое влияние на его судьбу оказали книги. На одном из каналов выступила даже королева Елизавета. И так каждый день! Три месяца обработки по всем каналам, и в книжных магазинах выстроились очереди, и библиотеки, и читальные залы забились толпы читателей».

Так что эта проблема решаема.

Сегодня на полках книжных магазинов, количество которых продолжает стремительно сокращаться, картина та же, что и вчера: фантастика, эротика, антиутопии, изошрённые, а порой и извращённые в психологическом плане детективы.

«Современный читатель качественно изменился, он уже не тот, каким был в советское время, и это огромная проблема. Можно говорить о невосприимчивости читателя к литературе, требующей работы ума и души, сопереживания, осмысления горьких истин» (Юрий Козлов).

Не прекращаются дискуссии и о литературных премиях. Александр Кузьменков свою статью «Награждение непричастных» начинает так: «Убожество отечественной словесности легко объяснимо, если вспомнить, что на дворе у нас эпоха постмодерна, где главный герой – симулякр, вторичный образ без первичного подобия... Литературный процесс в России давным-давно подменили премиальным...»

С вышеприведенными оценками Александра Кузьменкова я полностью согласен. А вот с последним абзацем статьи я категорически не согласен: «Собственно, а что вы хотели, господа? Иного нам не дано. В стране, где всё – от власти до медицины – декоративно, другой литературы быть не может».

Мы живём в эпоху тектонического социального разлома, духовной и нравственной катастрофы. Для писателя «это подлинное счастье: весь социальный организм во всех деталях раскрыт перед его глазами», и тут надо «осмысливать, писать, пророчествовать. В такие времена рождались «Слово о полку Игореве», «Бесы», «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке»» (И.М. Ильинский). Талантливые писатели и поэты у нас, к счастью, есть, но их не хотят замечать ни «платные» литературные критики, ни книжные издательства, у руководства которых в голове царствует только одна формула – «деньги – товар – деньги».

Многие литераторы высказываются о литературной критике в том плане, что сегодня, мол, можно говорить о прекращении её существования. Полагаю, что это не совсем так. Да, у нас и близко нет новых Белинских, но тем не менее попытки стать хотя бы новым Писаревым наблюдаются.

Именно литературные критики в силу своих функциональных обязанностей отслеживают литературный процесс, а значит, лучше, чем кто-либо, могут охватить значительную часть диапазона литературной продукции. Как же они оценивают литературные итоги 2018 года?

Платон Беседин, подводя печальные итоги прозы минувшего года, подчёркивает: «Так что дальше?.. Уйдёт ли литература? Вряд ли. Но, определённо, она измельчает. Уже измельчала. Как и жизнь в целом. Ведь одно не может быть оторвано от другого. Процесс этот взаимный, а оттого ещё более убийственный. Особенно для такой страны, как Россия, где слово всегда оставалось фундаментом и сутью».

Совсем недавно мы прочитали фельетон Александра Кузьменкова «Литературные итоги-2018», в котором он в шутку (а лучше бы всерьёз) предложил учредить премию под названием «Золотой афедрон». И виртуально приглашал «на сцену» известных литераторов, при этом призывая их: «Об одном прошу: не надо сиротских песен про падение престижа литературы и культуры. Вы и убили-с...»

Всё больше критиков говорят о том, что современная литература сохраняет лишь родимые пятна нашей классики. Литературоведы всё реже пользуются термином «герой», видимо, понимая, что само это слово подразумевает не просто древнегреческую этимологию, но и героический поступок. Всё чаще отдают предпочтение терминам «характер», «персонаж», «субъект действия», «субъект речи».

По мнению В. Бондаренко, типичная слабость современных писателей – «мало вымысла, писатель теряет дар вымысла, живут за счёт тех или иных ярких впечатлений: чеченская война, нацболы, учёба, неудачная любовь – всё из жизни...».

Самым существенным фактором, влияющим на положение дел в литературе, было, есть и будет отношение к ней государства. Опять вынужден процитировать Владимира Бондаренко: «Никакая русская идея, которую в потёмках ищет Владимир Путин, невозможна без важнейшего значения слова в жизни страны».

Мы не первые, кто «посетил сей мир в его минуты роковые», и знаем, что литературная шелуха отпадёт. В истории русской литературы останутся творения тех, «у кого, кроме пера в руке, есть ещё совесть и честь, кто служит литературе и народу непродажно и жертвенно» (И.М. Ильинский).